

Николайчук Игорь Александрович*, кандидат технических наук, начальник сектора региональной безопасности Центра евроатлантических и оборонных исследований РИСИ.

О сущности гибридной войны в контексте современной военно-политической ситуации

Приступая к раскрытию заявленной темы, приходится отойти от традиций, сложившихся в практике публикаций научных работ. Начнём с анонса одного из медиа-продуктов западной масс-культуры, который был сфабрикован как отклик на актуальную военно-политическую ситуацию.

Речь идёт о начале показа по британскому телеканалу BBC Two весьма интересного по творческому замыслу реалити-ток-шоу "Третья мировая война: взгляд из командного пункта" (World War Three: Inside the War Room). Согласно его сценарию, Россия начинает "гибридную войну" в Латвии, в результате чего следует обмен ядерными ударами между РФ и США¹. Ход эскалации конфликта показывается через призму обсуждения развития кризиса в некоем "Британском комитете кризисного управления". Работу данного комитета на шоу имитируют бывшие дипломаты, политики, спецслужбисты и военные, которым по ходу передачи приходится принимать решения в ответ на поступающие "вводные"².

* ianiko@yandex.ru

¹ Britu kanāls "BBC Two" pārraidīja raidījumu, kurā simulēti Krievijas atbalstīto "separātistu" izraisīti nemieri Latgalē. Latvijas Avīze, 05.02.2016. Российский источник: Аналитический портал RuBaltic.Ru. URL: <http://www.rubaltic.ru/article/segodnya-v-pribaltike/01022016-britanskiy-telekanal-voyna/#t20c>. Интересно, что по мнению французских тележурналистов "фильм вызвал раздражение как Москвы, так и Риги". См.: *Muriel Pomponne*. Une fiction de la BBC fâche Riga et Moscou. Radio France Internationale (RFI), 05.02.2016.

² Дабы продемонстрировать, как военно-политические аспекты глобальной безопасности трактуются для обывателей (немаловажно и то, что эти аспекты, ранее бывшие "скучной материей" и интересовавшие только специалистов, сегодня стали подлинной приманкой, притягивающей домохозяйек к экранам), приведём сценарий шоу. Итак, "прокремлевские сепаратисты" под флагом Латгальской Республики захватили власть в двадцати приграничных с Россией городах Латвии. Союзники по НАТО — и особенно лица, ответственные за принятие решений в самой Британии — разделяются во мнениях, как выполнить свои обязательства в соответствии с 5-й статьей Договора НАТО. В итоге все союзники Латвии, кроме США и Великобритании, "зависают", не в силах принять какое-либо решение. Лондон и Вашингтон направляют в Латвию сухопутные войска для контрудара по "сепаратистам". Однако в Балтийском море конвой подвергается российской ракетной атаке, в результате чего вертолетоносец ВМФ Великобритании "Ocean" уничтожен с применением тактического ядерного заряда. Гибнет 1200 человек.

В приведённом анонсе содержится некий месседж, связанный с тем концептуальным посылом, что любое нарушение стабильности, любой военный конфликт низкой интенсивности, даже если он протекает в нелегитимизированной с точки зрения системы международного права форме, например, в виде "гибридной" или другой "необъявленной" войны, очень быстро развивается, причем фактически бесконтрольно, до уровня глобального ядерного Армагеддона. Все эти достаточно безграмотные в военно-теоретическом отношении журналистские упражнения на самом деле маскируют от "широкой общественности" тот факт, что сегодня точками роста военной науки как раз и является определение границ целесообразности и допустимых масштабов реагирования со стороны геополитических игроков на нарушение стабильности в том или ином регионе Земного шара, равно как и поиски таких форм ведения войны (или таких новых "войн"), которые в максимальной степени позволяли бы минимизировать вероятность перерастания "стычек" на мировой периферии в вооружённые столкновения на региональном или даже на глобальном уровне. Консенсусом в данном вопросе является принципиальная необходимость исключения возможности реализации апокалиптических сценариев развития конфликтов.

Указанные теоретические изыскания в последнее время резко интенсифицированы исходя из потребностей практики. Сегодня специалисты в военной и военно-политической области, в первую очередь в США и в основных странах НАТО, лихорадочно пытаются выработать эффективное противодействие глобальным и региональным угрозам собственной безопасности с учётом последних событий на Украине и на Ближнем Востоке.

На самом высоком уровне в США звучат упрёки в адрес нынешней американской администрации, да и в европейских странах в адрес своих правительств по поводу того, что внешнеполитическая повестка дня перегружена, военное строительство ведётся рефлексивно, без учёта долгосрочных тенденций развития международных отношений, подавляющая мощь вооружённых сил США и НАТО, на поддержание которой тратятся огромные деньги налогоплательщиков, оказывается бесполезной перед лицом нетрадиционных методов ведения войны. При этом военные теоретики пытаются приспособиться к ситуации с завидной регулярностью "изобретая" всё новые войны: вслед за "нетрадиционной" или "асимметричной" войной появилась концепция "гибридной" войны, затем "нелинейной", сетевой, сетецентричной и т. д.

На эту тему существует обширная литература, включая и ряд солидных монографий и докладов³. Однако так получилось, что термин

В этой ситуации Лондон отказывается от дальнейшей эскалации конфликта, но США, также потерявшие корабль и людей, наносят ответный удар по российским военным целям с использованием ядерного оружия. Английскому правительству становится известно, что Россия готовит атомный удар по территории Великобритании, и следующей целью нападения будет Лондон. Несмотря на это "чрезвычайный комитет" принимает решение воздержаться от применения ядерного оружия — однако США и Россия продолжают обмениваться ударами.

³ См.: Проблемы национальной безопасности России в военно-политической и оборонной сферах. Доклад РИСИ // Проблемы национальной стратегии. № 6 (33). 2015. С. 9–30.

"гибридная война" наиболее широко используется военными теоретиками и политиками, именно в контексте вооружённого конфликта на Украине. В частности, секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины Андрей Парубий заявлял в интервью солидной британской газете The Financial Times: "Так называемая „гибридная война“, (это) когда армии не выступают в роли агрессора. Вместо этого идет запугивание и внедрение в страну диверсионных групп, которые с местными экстремистами и криминальными бандами уже ведут борьбу на месте"⁴. Но к "гибридной войне" и к эволюции её толкования мы вернёмся несколько позже, поскольку предварительно необходимо решить несколько важных методологических проблем.

Проблема решения военных задач без военной силы

Одна из таких проблем имеет следующий характер. События на Украине и участие России в урегулировании кризиса в Донецке и Луганске, равно как и воссоединение Крыма и Севастополя с РФ дали новый толчок для поисков адекватных ответов на ситуации, когда "противник" всё время оказывается на шаг впереди, а армейское командование и даже политическое руководство практически во всех западных странах не могут дать чёткую "отмашку" по поводу того, с кем, как, чем и когда воевать.

Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время Вашингтон под влиянием событий в первую очередь в мусульманском мире, где конфликты имеют ярко выраженный паратерриториальный и мультипликативный характер (а это крайне дискомфортно для Соединённых Штатов и ведущих западных стран), явно старается найти такое решение проблем, которое бы позволило обеспечить мировое господство, включая и господство в "хаотизированных" регионах, без активного использования фактора военной силы. В первую очередь ставится задача избежать развертывания крупных группировок вооружённых сил США и НАТО на территории других государств и тем более вовлечение их в полномасштабные войсковые операции. Всё это связывается с внутривнутриполитическими и экономическими факторами. Сами западные специалисты говорят о том, что вмешательство во внутренние дела иностранных государств для решения стратегических задач должно иметь место при отстаивании собственных национальных интересов с минимальной проекцией военной силы или вообще без нее⁵.

⁴ Цит. по: Пресса Британии: "гибридная война" России на Украине. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2014/05/140529_brit_press#1 (дата обращения: 10.02.2016).

⁵ Американский военный эксперт Уильям Кортни, который в настоящее время работает в RAND Corp. и сосредоточен на проблеме минимизации использования военной силы, так охарактеризовал ситуацию на Украине: "Санкции, публичная критика, дипломатия являются основными инструментами Запада, которые применяются в ответ на российскую агрессию на Украине. (...) Неприятным моментом является факт, что западная критика агрессии неэффективна. Ей противостоит находящееся под контролем государства российское телевидение, которое создает необходимое общественное мнение у подавляющей части российского населения, причём его передачи содержат пропаганду

Для целей настоящего исследования в рассматриваемом контексте крайне важно указать на следующее событие. 27 февраля 2015 г. в Москве состоялся специальный междууниверситетский научный семинар "Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века"⁶. Там фактически было признано, что "гибридные войны — это фантомное понятие, ничего не поясняющее" (О. А. Бельков)⁷. Это подтверждает выводы специалистов, что "гибридным" и иным войнам сегодня не хватает "нормативного содержания"⁸ — не понятно, ради чего они ведутся. Но нас должно интересовать другое. Гибридные войны, если выйти за пределы терминологических споров, сегодня "гарнируются", комплексуются такими темами, как использование подходов теории хаоса и управляемого хаоса в международной политике и деятельность по смене политических режимов в различных странах, подготовка и осуществление "цветных революций". Отметим, что на упомянутом семинаре работала специальная секция "Гибридные войны, цветные революции и управляемый хаос". Имеет смысл привести названия представленных на ней докладов: "Гибридные войны как фактор возрастания критичности в условиях глобализации мировой систем"; "Гибридные войны как инструмент реализации стратегии „управляемого хаоса“"; "Стратегия „управляемого хаоса“" как одно из проявлений политики гибридных войн"; "Анализ и оценка форм, методов и способов проведения операций по смене режимов в суверенных государствах. Концепция „цветной революции“"; "Технологии „цветных революций“ в современных проявлениях гибридных войн".

Налицо законченный ансамбль, совокупность, стройное целое! Однако отдельные части этой совокупности носят весьма размытый характер, и, хотя они взаимопроникают друг в друга, формируя познаваемую сущность, каждая часть в отдельности вряд ли может быть чётко определена, если пытаться сделать это через критерии социально-исторической практики. Представляется, что основным камнем преткновения в данном случае является подмена понятий, замена реальности симулякрами.

Военно-политическое измерение категорий хаоса и управляемого хаоса

В чем же здесь дело? В среде специалистов в области методологии социальных наук уже около 30 лет ведутся дискуссии (признаемся, достаточно негромкие) по поводу возможности включения обществоведов и политологов в пул тех исследователей, которые занимаются разработкой

и ложь". Цит. по: RAND Experts Discuss the Options for Ukraine. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/02/rand-experts-discuss-the-options-for-ukraine.html> (дата обращения: 20.01.2016).

⁶ Конференция "Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века" // Информационно-аналитический журнал "Политическое самообразование". 06.03.2015. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/335340> (дата обращения: 29.01.2016).

⁷ URL: http://profrazy.ru/show/w2eYmAFdL9U/belkov_oleg_alekseevich_gibridnye_vojny_fenomen_ili_fantom.html (дата обращения: 29.01.2016).

⁸ Конференция "Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века". Ibid. (дата обращения: 29.01.2016).

нового направления, связанного с "наукой о сложном". В центре внимания этой новой междисциплинарной области находятся проблемы исследования систем с нелинейной динамикой, неустойчивым поведением, эффектами самоорганизации, наличием хаотических режимов, бифуркациями⁹. Однако дальше весьма осторожных подходов, проб этой темы дело пока не продвинулось.

Сегодня наиболее цитируемой книгой о проблемах "науки о сложном" в гуманитарно-социальных исследованиях является коллективная монография, вышедшая в 1996 г. в издательстве Мичиганского университета (США) "Теория хаоса в социальных науках: основы и применения" (под редакцией Л. Д. Килья и Э. Эллиотта)¹⁰. Одной из причин популярности указанной книги явилось то, что Килья и Эллиотт предприняли одну из первых попыток ревизии методологии сегмента социальных наук с учётом особенностей современного этапа научной революции. Раньше имела место достаточно независимая друг от друга эволюция социального и естественнонаучного знания, хотя при этом "гуманитарии" были вынуждены воспринимать в явной или косвенной форме ответы на интеллектуальные вызовы и методологическую парадигму точных наук. Здесь следует сделать существенную оговорку. Научно-техническая революция стала для социальных философов огромным искушением "приравнять" законы развития (именно развития, а не бытия) человеческого общества к "законам природы", которые тогда (в середине XIX — начале XX века) ещё полностью соответствовали "ньютоновской парадигме".

Особенно впечатляет в этом смысле такая дисциплина, как геополитика. Уже подзабылось, что Карл Хаусхофер выковал могучее идеологическое оружие для немецкого национал-социализма на основе идей, в буквальном смысле приравнивающих государство к живому организму, который рождается, развивается и умирает (он опирался на книгу шведского ученого Р. Челлена "Государство как организм". 1916 г.). Для немецкого государства в соответствии с такой моделью требовалось пресловутое "жизненное пространство" для нормального развития. Это и формировало внешнюю и внутреннюю политику Третьего рейха. В весьма запутанных умопостроениях другого отца геополитики — Маккиндера — тем не менее чётко прослеживается простая статичная линейная

⁹ Здесь необходимо сослаться на работы великого учёного прошлого века И.Р. Пригожина, который открыл существование неравновесных термодинамических систем. Эти системы при определённых условиях, поглощая вещество и энергию из окружающего пространства, могут совершать качественный скачок к усложнению (диссипативные структуры). Причём такой скачок не может быть предсказан исходя из классических законов статистики. Важно и то, что Пригожин проанализировал культурологическое значение новейших научных течений и связал их с эволюцией идеологий и взглядов величайших учёных прошлого: "Любые человеческие и социальные взаимодействия, а также вся литературная деятельность являются выражением неопределённости в отношении будущего. Но сегодня, когда физики пытаются конструктивно включить нестабильность в картину универсума, наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, возможно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени". Цит. по: Теория хаоса: как поймать бабочку Лоренца? // Литературная газета. № 46. 20.11.2013. URL: <http://lgz.ru/article/-46-6439-20-11-2013/teoriya-khaosa-kak-poymat-babochku-lorentsa/> (дата обращения: 28.01.2016).

¹⁰ Chaos Theory in the Social Sciences: Foundations and Applications / Ed. L.D. Kiel and E. Elliot. Ann Arbor, 1996.

иерархическая модель, перенесённая на такой ресурс как географическое пространство, что и определяло политику или "ось истории". Теории шотландского географа так бы и остались курьёзом, если бы ими не заинтересовался знаменитый и весьма деятельный английский адмирал, создатель дредноутов Джон Фишер, который считал необходимым заменить уголь нефтью в качестве топлива корабельных силовых установок. Последнее давало флоту огромные оперативно-тактические преимущества. Для претендовавшего на глобальную проекцию силы ВМФ Великобритании в этом случае жизненно необходимым явилось бы наличие сети баз для бункеровки судов жидким топливом, а для политиков — создание условий для приобретения этих баз, равно как и условие мирового контроля за нефтяными ресурсами. С тех пор слово "нефть" в политике употребляется гораздо чаще, чем слово "Бог".

Особый дискурс связан со сферой государственного стратегического планирования. Обратим самое пристальное внимание на тот факт, что концепция "управляемого хаоса" появилась вскоре после распада Советского Союза. Тогда Россия представляла собой в геополитическом плане "душераздирающее зрелище", а молодая российская дипломатия демонстрировала невиданную ранее нигде в мире комплиментарность по отношению к планам установления мирового господства бывшего глобального соперника. Российская Федерация явно не являлась проблемой для Госдепа, Пентагона и Белого дома. Что действительно волновало теоретиков и практиков мирового переустройства, так это резкое нарастание потенциала нестабильности после краха биполярной системы.

Те, кто на протяжении длительного времени (десятилетия) следил за новинками военной мысли США, не станут возражать, что угасание пассионарной национальной идеологии хотя бы в форме противостояния с СССР как с "империей зла" и отсутствие в американском обществе (да и в западном обществе вообще) элементов жертвенности во имя государства на базе идеократических или теократических ценностей, делает политиков в буквальном смысле этого слова заложниками темы "безвозвратных потерь"¹¹. Этих потерь всеми силами необходимо избегать. С этой точки зрения концепция "управляемого хаоса" представляла собой крайне удобный инструмент для решения подобных внутриполитических проблем, вернее, для имитации их решения.

С 1992 г. в американском научном сообществе регулярно выпускались работы по поводу "малозатратных для США войн", где, так или иначе, присутствовало обращение к идее нелинейности социальных систем и в менее выраженной форме — к технологиям управляемого хаоса. Это и концепция сетцентрической войны, и обращение к идее заставить чужие правительства работать на интересы США, думая, что они работают в собственных интересах (концепция стабилизации / дестабилизации дружественных режимов) и скроенная под украинский кризис концепция войн с отложенной легитимизацией (необъявленные войны) и многое-многое другое, включая и "гибридную войну", многочисленные толкования сути которой уж точно можно назвать "хаосом понятий". Однако,

¹¹ Впервые данный вопрос в русле решения актуальных проблем военного строительства рассмотрен в статье: *И. Николайчук*. Национальная стратегическая культура России: проблема преемственности // *Власть*. № 3. 1999. С. 34–40.

по большому счёту, предъявляемые новаторские идеи обязательно имели в выводной части соответствующего документа или текста разъяснение, что всё должно быть устроено по доказавшим свою эффективность и бескровность правилам холодной войны или сдерживания коммунизма в духе "длинной телеграммы Кеннана". В результате всего этого теоретического шума антироссийский военно-политический шабаш после событий на Украине и воссоединения Крыма и Севастополя с РФ закончился принятием со стороны НАТО концепции "сдерживания России"¹², что в свою очередь послужило основной причиной объявления НАТО главным противником РФ в новом (2015 г.) варианте военной доктрины Российской Федерации¹³. При этом высшие должностные лица нашей страны стали делать заявления о "недопустимости изоляции" России. Недопустимость изоляции в данном случае является очевидным эвфемизмом "сдерживания их сдерживания".

Горькая ирония результатов активного поиска прорывных методологических новаций в области международных отношений и построения на их основе систем военно-политической безопасности, как мы видим, заключается в том, что после периода абсолютной свободы теоретического творчества, который маркировался распространением идей нелинейности и управляемого хаоса, практики не нашли ничего лучшего, как в своих действиях руководствоваться совершенно "дубовыми" линейными подходами. Судите сами. Сдерживание по своей сути абсолютно тождественно третьему закону механики: "действие равно противодействию". Воистину, вот он — золотой венок от политологов и военных концептуалистов XXI в. на могилу сэра Исаака Ньютона!

Гибридная война как пропагандистский конструкт

Теперь имеет смысл обратить самое пристальное внимание на вторую часть "триады" "управляемый хаос — гибридная война — цветные революции". В первую очередь следует остановиться на таких вопросах, как генезис термина "гибридная война" и характер употребления этого термина в общественной практике. Для этого исследовалась частота встречаемости в Рунете таких терминов, соотносимых с различными формами войн, как "гибридная война", "ядерная война", "идеологическая война", "холодная война", "информационная война", "кибервойна". При этом строился

¹² Комментарии по этому вопросу с достаточной полнотой изложены, см.: *Т. Становая*. Россия–НАТО: взаимное сдерживание. 08.09.2014. Информационный сайт политических комментариев Политком.ru. URL: <http://politcom.ru/18043.html> (дата обращения: 02.02.2016).

¹³ В новой редакции Военной доктрины Российской Федерации, принятой 30 декабря 2014 г., по этому поводу говорится, что основной внешней опасностью является: "наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение её глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран — членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения блока". Цит. по: Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. Федеральный выпуск № 6570. 30 декабря 2014 г. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 08.02.2016).

динамический ряд частоты встречаемости данных терминов за период с 2007 по 2015 гг. Соответствующая статистика приведена в табл. 1. Характер протекания динамических рядов представлен на рис. 1.

Таблица 1

Частота встречаемости терминов,
обозначающих формы войны по годам в РУНЕТЕ

Года	Гибридная война, тыс.	Информационная война, тыс.	Ядерная война, тыс.	Идеологическая война, тыс.	Холодная война, тыс.	Кибервойна, тыс.
2007	0	10	10	0,61	20	1
2008	0	13	11	0,82	24	2
2009	0	20	20	0,99	35	3
2010	0	25	23	1	40	8
2011	8	39	34	2	85	14
2012	12	52	47	3	122	38
2013	28	64	56	5	103	30
2014	59	77	62	9	125	38
2015	92	132	98	18	173	91

Источник: рассчитано и составлено автором по данным РУНЕТА

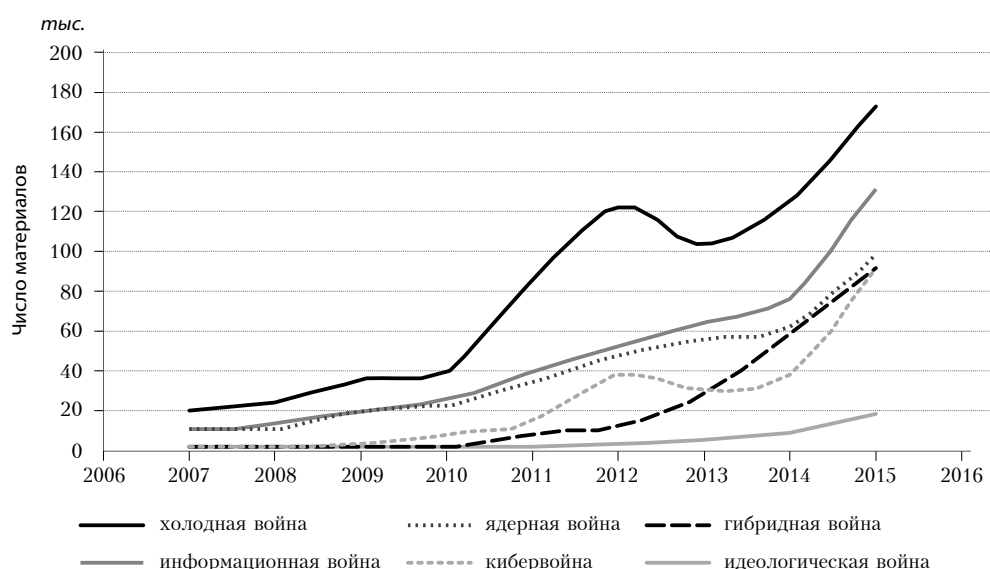

Рис. 1. Изменение по годам частоты встречаемости в РУНЕТЕ терминов, обозначающих различные формы войны.

Источник: рассчитано и построено автором по данным РУНЕТА

Полученные результаты заслуживают комментирования. Прежде всего отметим, что с 2014 г. использование терминов, обозначающих различные формы войны существенно возросло. Это означает, что совокупность событий, так или иначе связанных с вопросами войны и национальной безопасности России сегодня помещена в фокус общественного внимания. Тема войны, о которой сегодня можно говорить как об активизирующемся

номинативно выраженном содержательном ядре некоего цельного "метатекста", не только служит естественным катализатором развития фобий, но и является неиссякаемым источником философских, социальных, этических и других вопросов, которые общество адресует власти и экспертному сообществу.

Как видно из рисунка, доминантой в "военном" кластере является холодная война. Тема эта историческая, потухшая, хотя и заново актуализированная. В общественном сознании, даже сегодня, когда в СМИ продвигается в алармистском ключе тезис о начале "новой холодной войны с Западом", а на самом Западе аналитики всерьёз рассматривают возможность "реинкарнации" подобных подходов к сдерживанию широкого круга международных конфликтов, холодная война как пропагандистский конструкт является достаточно комфортной с точки зрения социального бытия, поскольку, с одной стороны формирует устойчивый, но размытый образ внешнего врага, "активного чужого", что, так или иначе, поддерживает мобилизационный тонус социальной системы, а с другой стороны не требует личного участия индивида в противодействии таким угрозам, поскольку в холодной войне достаточно участие государственных институтов "мирного времени". Важным моментом в данном случае является согласие со стороны большей части общества на усиление роли в повседневной жизни указанных институтов, в первую очередь — армии, дипломатических ведомств, спецслужб, пропагандистского аппарата.

Тот факт, что второй по рейтингу присутствия в российском информационном пространстве оказалась информационная война, говорит о сравнительно новых тенденциях, связанных с наполнением этого понятия в первую очередь пропагандистскими смыслами. Представляется, что "информационная война" в последние два года окончательно стала связываться с вполне определённой деятельностью средств массовой информации и массовой коммуникации, а все аспекты борьбы по дестабилизации компьютерных систем и доступа к Интернету теперь маркируются термином "кибервойна". Информационная война, как представляется, также не требует проектной мобилизации общества, её сутью являются борьба за "реакцию", за мнение массового потребителя медийного контента. Если можно так выразиться, сегодня информационная война — это война в среде блогеров и телезрителей.

Обратим, кстати, внимание на одинаковый характер протекания динамических рядов для "холодной войны" и "кибервойны". Объяснение этому отсутствует.

Ядерная война, хотя и остается значимым источником общественных фобий, сдаёт свои позиции. Здесь интересно то, что эта война уже стала фактором фрустрации всего лишь среднего уровня мощности (вероятность ядерного апокалипсиса сегодня фактически не внедряется в массовое сознание, хотя ядерные сценарии остаются актуальными как некие "пределы мыслимого") наравне с такими плохо артикулированными, вернее, совершенно неразъяснёнными для населения угрозами, как "гибридная война" и "кибервойна". Пусть в силу разных причин, но эти три формы войны не могут использоваться как объективные предпосылки для генерации настроений мобилизации и сплочения в крупных сообществах.

Весьма показательно, что единственный "мобилизатор" в нашем перечне — идеологическая война — занимает абсолютно маргинальное положение на информационном поле. В современном деидеологизированном обществе это вполне естественно. Однако в контексте решения ряда вопросов безопасности России за это приходится расплачиваться качеством мотивации к гражданскому единению: вместо устойчивых и веских идеологем, отражающих метафизические смыслы, вынужденно предлагаются пропагандистские суррогаты. Впрочем, такое положение в условиях современной России, как представляется, пока не носит критического характера.

Что касается предмета нашего интереса, а именно гибридной войны, то, судя по всему, явление это уникально и выпадает из общей картины. Во-первых, термин "гибридная война" появился в русскоязычных текстах, как оказывается, всего лишь в 2011 г. С другой стороны, скорость его распространения в русскоязычных текстах (табл. 1.), оказалась максимальной. При этом, если обсуждение других форм войны явно стимулировалось событиями в Крыму и на Украине, то интенсификация использования термина "гибридная война" в РУНЕТЕ произошла существенно (на два года) раньше.

В свете сказанного целесообразно провести специальное исследование характера внедрения термина "гибридная война" в общественную практику. Поскольку термин был предложен американскими военными экспертами, изучим динамику его появления в англоязычных текстах. Методика исследований здесь будет следующая: сначала найдём некую общую модель динамического поведения терминов или тегов в рамках поисковой системы Google, а потом определим, насколько этой модели соответствует динамика присутствия термина "гибридная война" по годам.

Построение обобщенной модели динамического поведения термина в массиве текстов при его разбивке по годам — задача совершенно новая и ставится впервые. Не претендуя здесь на создание сложных всеохватывающих методик, которые бы удовлетворили всё научное сообщество, в качестве первого приближения можно предложить подходы, которые позволили бы просто проиллюстрировать наличие важных особенностей рассматриваемой проблемы. Такая модель может быть сконструирована на основе осреднённых медиастатистических данных по частоте встречаемости по годам нескольких терминов. В рамках подобного подхода была набрана статистика по годовым выборкам для таких тегов, как "Достоевский", "Диккенс", "Сталин", "филология", "лингвистика", "теория вероятности". Выбор определялся следующими соображениями. Во-первых, термины должны быть устоявшимися, не связанными к какими-либо внесистемными факторами, которые бы вносили искажения в динамическую картину. Например, не совсем подходил тег "Толстой", поскольку сегодня в Великобритании подготовлена очередная телеверсия романа "Война и мир", что резко увеличило и упоминание автора шедевра в англоязычных текстах Интернета. Во-вторых, выбор тегов для надёжности имел место из двух групп — связанных с историческими личностями и с достаточно традиционными направлениями науки.

Понятно, что интенсивность использования терминов различна. Например, о Диккенсе на английском языке говорят заметно чаще, чем о Достоевском, а филология из-за упоминания многочисленных факультетов

филологии в американских университетах присутствует в выборках гораздо массивнее, чем теория вероятностей. Для приведения данных к одному масштабу исходные величины нормировались по средней величине для конкретного тега; получался пучок сравнимых друг с другом "траекторий" движения частоты встречаемости тегов по годам. Затем для каждого года находилось среднее из шести имеющихся значений. Кривая, аппроксимирующая эти точки, принималась как стандартная модель динамического существования термина в Интернете.

Исходные данные для расчетов даны в табл. 2. Графический материал представлен на рис. 2.

Таблица 2

Нормированная по среднему значению частота встречаемости различных терминов (тегов) в англоязычных текстах по годам

Года	Достоевский	Диккенс	Сталин	Филология	Лингвистика	Теория вероятности
2007	0,22	0,10	0,12	0,31	0,05	0,47
2008	0,39	0,16	0,20	0,49	0,21	0,60
2009	0,46	0,23	0,25	0,57	0,49	0,69
2010	0,62	0,55	0,49	0,63	0,72	0,73
2011	0,88	0,91	0,83	0,92	1,13	0,98
2012	1,10	1,18	1,24	1,21	1,53	1,33
2013	1,71	1,25	1,19	1,28	1,58	1,31
2014	1,32	1,38	1,55	1,45	1,64	1,27
2015	2,30	3,26	3,10	2,13	1,67	1,65

Примечание: при поиске теги задавались на английском языке.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Интернета

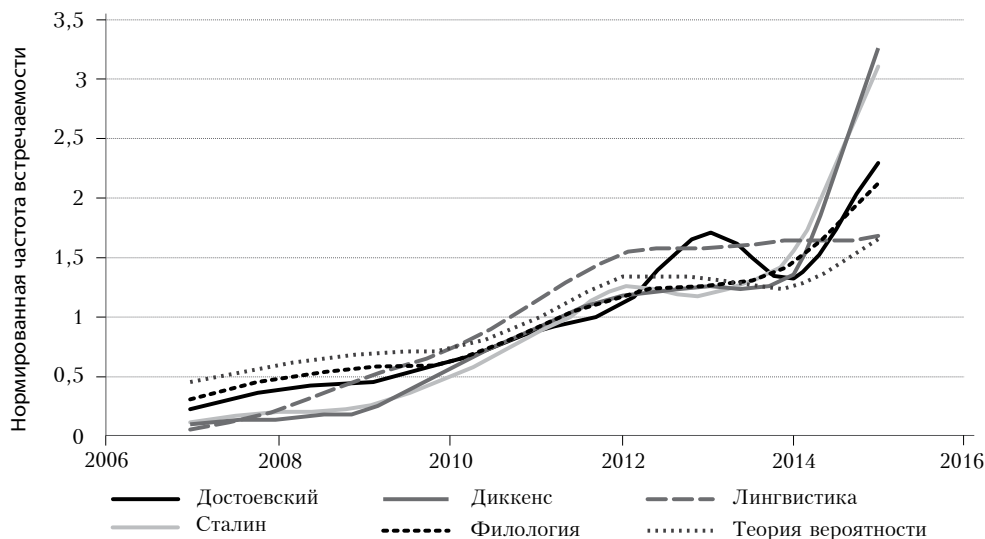

Рис. 2. Нормированная частота встречаемости различных терминов по годам.

Источник: рассчитано и построено автором по данным Интернета

Примечания: 1) Информационно-поисковая система Google. Дата обращения 05.01.2016 г.; 2) Оказалось, что динамика частоты встречаемости тега "лингвистика" имеет нестандартный характер, но этот факт в данном исследовании игнорировался.

Полученные статистические данные, позволившие определить со стандартной моделью динамики изменения нормированной частоты встречаемости любого термина в информационно-поисковых системах по годам, как это видно из рис. 3, очень хорошо аппроксимируются полиномом пятой степени. Проинтерпретировать данный результат, т. е. предложить объяснение, почему лучшая аппроксимация достигнута именно при таком значении степенного показателя при переменной, на наш взгляд, невозможно из-за недостаточного объёма сведений о принципах функционирования специфических машинно-лингвистических систем. Не собираемся мы и осуществлять экстраполяционное прогнозирование на основе расчётов по полученной формуле. Однако для целей сравнительного анализа обращение к стандартной модели можно считать вполне оправданным.

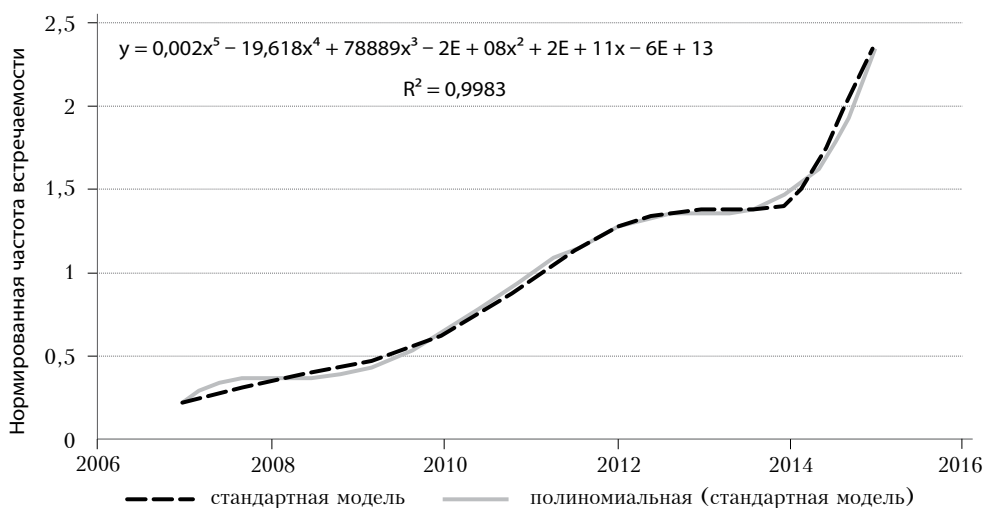

Рис. 3. Стандартная модель динамики изменения нормированной частоты встречаемости любого термина в информационно-поисковых системах по годам.

Источник: рассчитано и построено автором по данным Интернета

Для извлечения дополнительной информации, помимо сравнения характера изменения относительной частоты встречаемости тега "гибридная война" (hybrid war) по отношению к стандартной модели, такая же процедура была осуществлена и по отношению к тегам "пропаганда" (propaganda) и "информационная война" (information warfare). Исходная статистика дается в табл. 3. С результатами сравнения можно ознакомиться на рис. 4.

Таблица 3

Нормированная по среднему значению частота встречаемости различных терминов (тегов) в англоязычных текстах по годам в сравнении с данными для стандартной модели

Года	Стандартная модель	Пропаганда	Информационная война	Гибридная война
2007	0,21	0,04	0,18	0,04
2008	0,34	0,08	0,29	0,08
2009	0,45	0,11	0,38	0,14
2010	0,62	0,15	0,47	0,18
2011	0,94	0,27	0,81	0,31
2012	1,27	0,53	0,95	0,42
2013	1,39	0,91	0,91	0,46
2014	1,43	1,56	1,73	1,58
2015	2,35	5,34	3,29	5,80

Источник: рассчитано и построено автором по данным Интернета

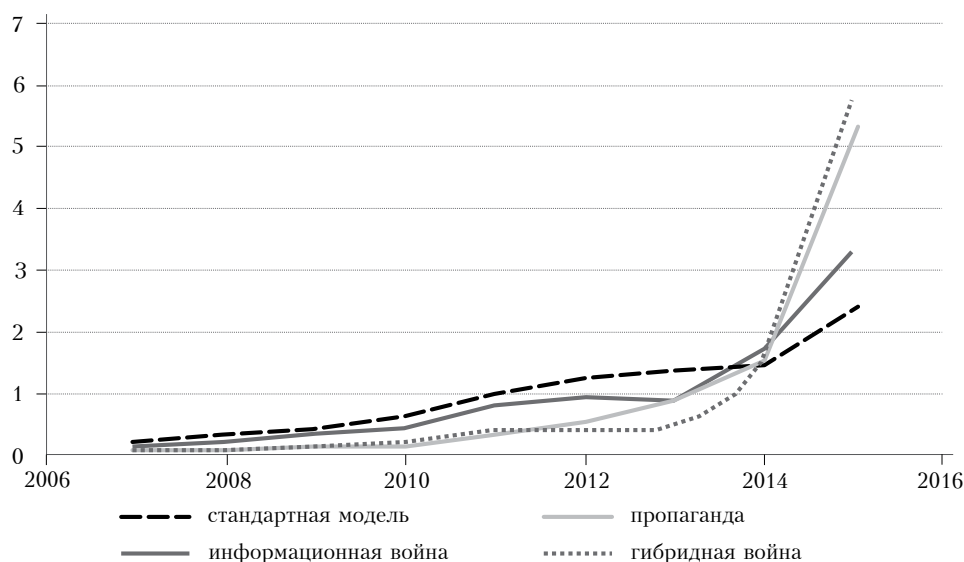

Рис. 4. Динамика изменения нормированной частоты встречаемости терминов "гибридная война", "пропаганда" и "информационная война" по годам в сравнении со стандартной моделью.

Источник: рассчитано и построено автором по данным Интернета

Результаты визуального сравнения дают основания утверждать, что динамика частоты встречаемости термина "гибридная война" не соответствуют стандартной модели из-за крайне резкого увеличения употребления термина в англоязычных материалах в течение 2015 г. В период до 2015 г. использование этого термина практически не росло. Необходимо зафиксировать тот факт, что относительная частота употребления дескриптора "информационная война" хорошо соответствует стандартной модели. В то же время динамика нормированной частоты встречаемости тега "пропаганда" почти идеально коррелирует с временным рядом для тега

"гибридная война". Это, пожалуй, главный результат нашего сравнительного исследования, который позволяет утверждать, что в общественной практике указанные теги являются не только сильно связанными в смысловом отношении, но могут рассматриваться как синонимы с точки зрения воздействия на общественное мнение. Или, более кратко, гибридная война подразумевает в первую очередь использование пропаганды. На самом деле, если судить по тому, как в последнее время развёртывается в мире дело с пониманием сущности и реализацией принципов гибридной войны, эта война пропагандой и исчерпывается.

Всё, что связано с гибридной войной, военные специалисты как на Западе, так и в России подвергают весьма тщательному разбору. На эту тему имеется огромный массив литературы, причём анализ и критика новаций в этой области осуществляются сверхоперативно. Тем не менее, как уже говорилось выше, консенсуса даже по определению того, что из себя представляет гибридная война, не существует. Как представляется, ключ к пониманию всех этих сложностей лежит в истории вопроса.

Термин "гибридная война" родился в недрах американской военной науки и сначала полностью соотносился с попытками оптимизировать организационную структуру сухопутных сил с учётом той ситуации, что весьма специфическому типу конфликтов нельзя было противополжить со стороны армии США что-то симметричное. Логика рассуждений и предмет беспокойства здесь состояли в следующем. В конфликтах традиционных типов и масштабов армия США может противопоставить противнику свои соединения численностью от бригады и выше. Это, так сказать, обычная война, к которой "генералы готовятся". Для действий против малых групп террористов в распоряжении командования имеются Силы специальных операций. Особо отметим, что американские теоретики никогда не рассматривали вопроса о том, что такие формы войн ведутся одновременно на какой-то локальной территории. Императивом здесь являлась установка на то, что подобные конфликты как минимум разнесены в пространстве. Однако лет десять назад американские военные эксперты обратили внимание на то, что могут иметь место ситуации, когда противник может быть организован, массивен, управляем и вооружён так, что для его подавления сил спецназа будет недостаточно, а силы линейных армейских соединений (бригад) в данном случае будут явно избыточны.

Именно такая ситуация и была названа "гибридной угрозой" (отнюдь не войной)¹⁴, и в качестве единственного примера реализации подобного сценария назвались действия военизированной ливанской шиитской организации "Хезболла" против Армии обороны Израиля во время Второй ливанской войны в 2006 г. Вопрос, напрямую выводящий на нерешённые проблемы военного строительства в США, начал активно прорабатываться в среде американских теоретиков именно под углом зрения парирования "зазора" в понимании того, как организовать успешную операцию против такого противника.

¹⁴ Даже в англоязычной версии Википедии утверждается, что концепт гибридной войны обозначается несколькими терминами: hybrid war, hybrid warfare, hybrid threat, hybrid adversary. Подчёркивается, что военные специалисты США предпочитают говорить о гибридных угрозах (hybrid threat), в то время как в "академической литературе" почти всегда употребляет термин "гибридная война" (hybrid warfare). См.: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Hybrid_warfare.

Под влиянием обеспокоенности армейского командования известная "думающая корпорация" RAND Corporation провела исследование реального опыта действий Армии обороны Израиля против Хезболлы в 2006 г. В выпущенном в 2010 г. отчёте¹⁵ был сделан важный вывод, что "гибридность" противника выражается в том, что он оснащён системами вооружений, которые можно получить лишь при поддержке центральных властей или с государственного уровня других стран, но во всём остальном остаётся всё теми же группами террористов (рис. 5)¹⁶. Специально оговаривалось, что в организационном отношении такой противник может создавать регулярные подразделения силами до батальона. Однако конкретных примеров участия в боях со стороны Хезболлы самостоятельных военных единиц численностью до 800 человек не приводилось.

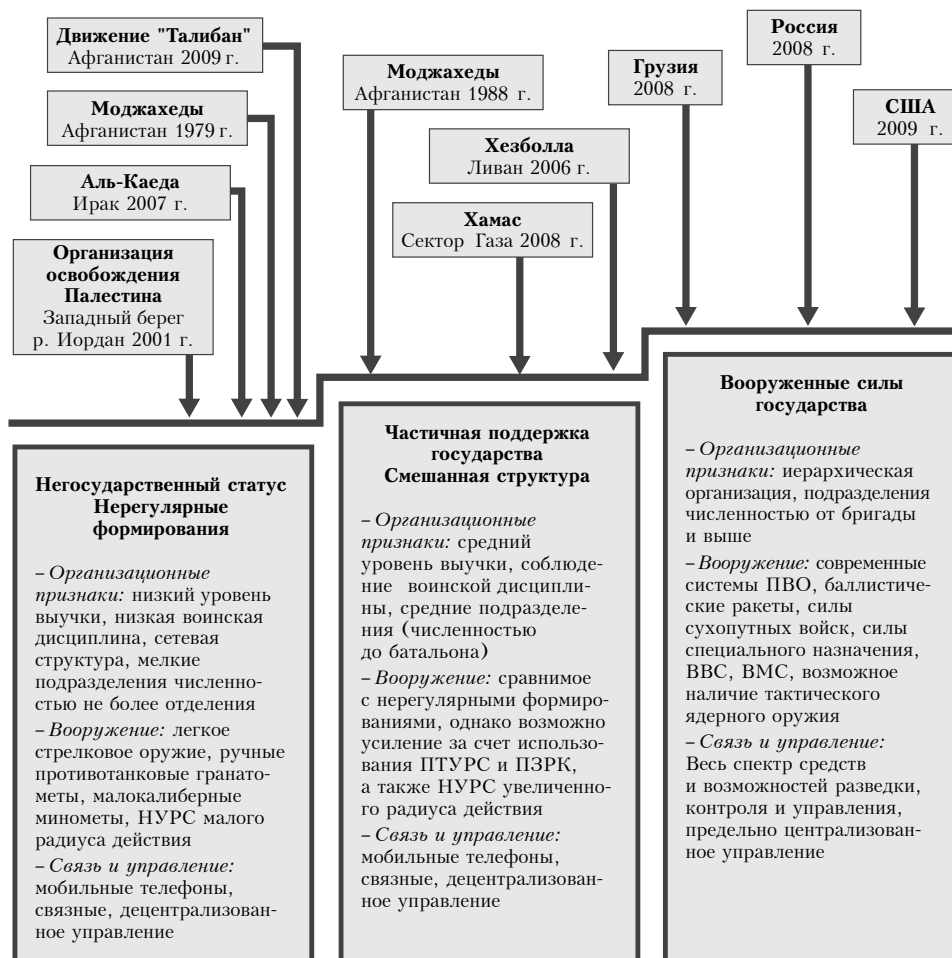

Рис. 5. Особенности вооружённых формирований, задействованных в гибридной войне.

¹⁵ David E. Johnson. Military Capabilities for Hybrid War. Insights from the Israel Defense Forces in Lebanon and Gaza. RAND Corporation. 2010. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2010/RAND_OP285.pdf (дата обращения: 10.02.2016).

¹⁶ David E. Johnson. Op.cit. P. 5.

Всё чудесным образом изменилось в начале 2014 г., когда под влиянием событий в Крыму и на Украине зарубежные, в первую очередь американские аналитики вдруг разом заговорили о том, что "Россия ведёт против НАТО гибридную войну". В рамках данной статьи невозможно как-то систематизировать весь тот огромный массив публикаций, который появился за указанные два года. Взрывной характер увеличения числа таких публикаций хорошо виден на рис. 3. Более того, пока нет возможности даже назвать какую-то кумулятивную работу в этой области, которая на систематической основе объяснила бы суть дела. Важнее всего то, что в составе форм и методов ведения этой войны всегда упоминается пропаганда. Подчеркнем, не информационная война, а именно пропаганда. Впрочем, подобное утверждение хорошо иллюстрируют наши статистические данные.

Российские эксперты, как представляется, правильно осознали опасность данной ситуации. Постепенно начинает господствовать мнение, что "гибридная война" есть специальный пропагандистский конструкт, который имеет мало общего собственно с войной, зато полностью нагружен тем чудовищным смыслом, что Россия ведёт против Запада настоящую войну, хотя по формальным признакам международного права это, к сожалению зарубежным стратегам, нельзя назвать войной¹⁷.

В понятие "гибридной войны" сегодня можно включать всё, что заблагорассудится, лишь бы это было объявлено вызовом безопасности США и даже совершенно незначительным странам НАТО, после чего необходимо срочно принимать меры, реагировать, "сдерживать Россию". Выскажем то суждение, что в такой ситуации вряд ли кто-то решится на реализацию сценария эскалации "гибридной войны" до уровня обмена ядерными ударами между Российской Федерацией и США, как это было нафантазировано британскими телевизионщиками, о чём мы говорили в начале статьи.

* *
*

Подводя итоги исследованию вопроса о сущности гибридной войны в современной военно-политической ситуации, мы должны констатировать тот очевидный факт, что на вопросы военного строительства выдвижение и развитие концепции гибридной войны в её современной трактовке практически никак не повлияло. Означает ли это, что она (эта война) может игнорироваться при обсуждении проблем защиты национальной безопасности Российской Федерации? Нет. И как минимум по трём причинам.

Во-первых, гибридная война как пропагандистский конструкт является главным фактором в формировании общественного мнения в зарубежных странах в направлении негативной оценки деятельности руководства

¹⁷ Наиболее полно подобные взгляды изложены в статьях: *Дьяков С.Г.* Так кто же ведёт на Украине "гибридную войну"? Сайт РИСИ. 28.12.2015. URL: <http://riss.ru/analitics/25075/> (дата обращения: 08.01.2016); *Белозеров В.К., Соловьев А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // *Власть*. 2015. № 9. С. 8–11.

России на международной арене, что необходимо для решения задач по усилению и расширению гегемонии США и НАТО в различных регионах мира.

Во-вторых, концепция гибридной войны является наиболее активно используемым на практике элементом пропагандистской триады "управляемый хаос — гибридная война — цветные революции" в целях блокирования усилий российской власти по противостоянию попыткам нарушить стабильность российского государства или по недопущению роста деструктивного потенциала внутренней оппозиции.

В-третьих, в условиях деидеологизации общества и затухания в западном мире религиозного самосознания, постоянное муссирование темы гибридной войны, якобы ведущейся Россией против Запада, выступает фактором общественной мобилизации, что может легитимизировать проведение правящими элитами США и основных стран НАТО жестких антироссийских акций кратковременного или долговременного характера.

В этих условиях представляется целесообразным начать критику используемой зарубежными политиками концепции гибридной войны как антироссийского и даже русофобского пропагандистского симулякра, не имеющего реального смыслового наполнения. По крайней мере, в определённом смысле это будет более продуктивно, чем ориентировать российское экспертное сообщество на поиски ответа на вопрос: что подразумевается под понятием "гибридная война" и как её нужно вести.

Ключевые слова: *гибридная война — холодная война — информационная война — теория хаоса — управляемый хаос — дестабилизация политических режимов — цветные революции — политическая медиаметрия — пропаганда — Украина — США — НАТО — междисциплинарные исследования.*

Keywords: *hybrid war — the Cold War — the information war — chaos theory — controlled chaos — destabilization of political regimes — color revolutions — political mediametry — propaganda — Ukraine — US — NATO — interdisciplinary studies.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 8–11.
2. Гибридные войны XXI века: материалы межвузовского круглого стола. 29.01.2015 г. 2015. М.: Изд-во ВУ. 310 с.
3. Дьяков С.Г. Так кто же ведёт на Украине "гибридную войну"? // Сайт РИСИ. 28.12.2015. URL: <http://riss.ru/analytics/25075/> (дата обращения: 08.01.2016).
4. И. Николайчук. Национальная стратегическая культура России: проблема преемственности // Власть. 1999. № 3. С. 34–40.
5. Клименко С. Теория и практика ведения "Гибридных войн" (по взглядам НАТО) 2015" // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109–112.
6. Конференция "Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века" // Информационно-аналитический журнал "Политическое самообразование". 06.03.2015. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/335340/>.

7. Кризис на Украине и крымские события 2014: практика информационной войны / Научн. ред. М.М. Янгляева. Ред. кол.: И.А. Николайчук, Н.В. Бондарцева, Е.А. Струкова. 2-е изд., испр. и доп. М.: РИСИ, 2015. 628 с.
8. Неклесса А.И. Управляемый хаос: новый цивилизационный контекст // Связь времен. М., 2002.
9. Пресса Британии: гибридная война России на Украине. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2014/05/140529_brit_press#1 (дата обращения: 10.02.2016).
10. Проблемы национальной безопасности России в военно-политической и оборонной сферах. Доклад РИСИ // Проблемы национальной стратегии. № 6 (33). 2015. С. 9–30.
11. Сексуальные фантазии российских пропагандистов // Грузия Online, 23.09.2014.
12. Станювая Т. Россия–НАТО: взаимное сдерживание // 08.09.2014. Информационный сайт политических комментариев Политком.ru. URL: <http://politcom.ru/18043.html> (дата обращения: 02.02.2016).
13. Теория хаоса: как поймать бабочку Лоренца? // Литературная газета. № 46. 20.11.2013. URL: <http://lgz.ru/article/-46-6439-20-11-2013/teoriya-khaosa-kak-poymat-babochku-lorentsa/> (дата обращения: 10.02.2016).
14. Третья мировая, гибридная // Деловая неделя (Казахстан), 27.11.2015.
15. Andrew Horybho. Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach to Regime Change / Peoples' Friendship University of Russia. 2015. 132 p.
16. Atskleidė, kaip Vokietijoje kuriama Rusijos propaganda / Lietuvos rytas, 06.02.2016.
17. Britu kanāls "BBC Two" pārraidīja raidījumu, kurā simulēti Krievijas atbalstīto "separātistu" izraisīti nemieri Latgalē. Latvijas Avīze // 05.02.2016.
18. Böartige Verblödung // Der Standard, 30.01.2016.
19. Chaos Theory in the Social Sciences: Foundations and Applications / Ed. L.D. Kiel and E. Elliot. Ann Arbor, 1996.
20. Counter-Unconventional Warfare. White Paper. 26 September 2014. United States Army Special Operations Command.
21. Damien Van Puyvelde. Hybrid war — does it even exist? // NATO Review Magazine. 2015. URL: <http://www.nato.int/docu/Review/2015/Also-in-2015/hybrid-modern-future-warfare-russia-ukraine/EN/index.htm> (дата обращения: 03.01.2016).
22. David E. Johnson. Military Capabilities for Hybrid War. Insights from the Israel Defense Forces in Lebanon and Gaza. RAND Corporation. 2010. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2010/RAND_OP285.pdf (дата обращения: 10.02.2016).
23. David Hume Footsoldier. When is a war not a war? When it's Hybrid. February 16, 2015. URL: <http://www.thinkdefence.co.uk/2015/02/war-not-war-hybrid/> (дата обращения: 10.02.2016).
24. Deputy Secretary of Defense Speech. Press Operations. Army War College Strategy Conference. As Delivered by Deputy Secretary of Defense Bob Work. U.S. Army War College, Carlisle, PA, Wednesday, April 08, 2015.
25. Det ger att ge motbilder till propaganda // Svenska Dagbladet, 09.02.2016.
26. Der russische Präsident betreibt in St. Petersburg ein ganzes Propaganda-System // Berliner Zeitung, 28.01.2016.
27. Field Manual 3–24 Insurgencies and Countering Insurgencies, 13 May 2014.
28. Edward Lucas, Ben Macintyre. We're drowning in a flood of Putin propaganda // The Times, 06.11.2015.
29. Hybridní válka a Putinova plynová zbraň. Česká pozice. 06.12.2015.

30. *George Kennan*. Policy Planning Memorandum. May 4, 1948 / National Archives and Records Administration, RG 273, Records of the National Security Council, NSC 10/2. URL: <http://academic.brooklyn.cuny.edu/history/johnson/65ciafounding3.htm> (дата обращения: 02.02.2016).

31. *Jan Osburg*. Unconventional Options for the Defense of the Baltic States. The Swiss Approach. PE-179-RC. RAND Corporation. 2016. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE100/PE179/RAND_PE179.pdf (дата обращения: 01.01.2016).

32. *John Kerry*. Secretary of State, Opening Statement Before the Senate Committee on Foreign Relations, National Security and Foreign Policy Priorities in the FY 2015 International Affairs Budget, 113th Cong., 2d sess. April 8, 2014.

33. *Johnson, David E.* Military Capabilities for Hybrid War. Insights from the Israel Defense Forces in Lebanon and Gaza. RAND Corporation. 2010. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2010/RAND_OP285.pdf (дата обращения: 10.02.2016).

34. La Russie, figure d'iprouvantail dans la guerre de l'information. Ouest France, 28.10.2015.

35. *Max Boot, Jeane J. Kirkpatrick, Michael Doran, Roger Hertog*, Political Warfare // Policy Innovation Memorandum No. 33, Council on Foreign Relations, June 2013, accessed May 16, 2014. URL: <http://www.cfr.org/wars-and-warfare/political-warfare/r30894> (дата обращения: 10.02.2016).

36. *Mihkelson*: Venemaa on vallandanud Lääne suunal hübriidsõja // Postimees. 21.10.2015.

37. *Muriel Pomponne*. Une fiction de la BBC fâche Riga et Moscou // Radio France Internationale (RFI), 05.02.2016.

38. National Intelligence Council, Global Trends 2030: Alternative Worlds (Washington D.C.: U.S Government Printing Office, December 2012). The Megatrends are individual empowerment, diffusion of power, demographic patterns, and food, water, energy nexus.

39. NATO: Russland bruker mye pe propaganda // ABC Nyheter, 29.01.2016.

40. Putin's crude and desperate propaganda // The Washington Post, 05.01.2016.

41. Putin's crude and desperate propaganda // The Washington Post, 05.01.2016.

42. RAND Experts Discuss the Options for Ukraine. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/02/rand-experts-discuss-the-options-for-ukraine.html> (дата обращения: 20.01.2016).

43. Remote area operations was removed from current FID doctrine. Remote area operations had a section in Appendix An Insurgency and Counterinsurgency, sub section Military Operations in Counterinsurgency in FM 3-05.202 Foreign Internal Defense. 2 February 2007. A-9, A-10.

44. Skuggastríð Rússlands á að f Evrópubúa á band Rússa (Информационная война России против Европы. Российский эксперт: российская "мягкая сила" — лишь способ распила бюджета. Комментарии читателей: а западная "мягкая сила" очень эффективна). Pressan, 31.12.2014.

45. *Stefan Scholl*. Der virtuelle Krieg gegen den Westen // Basler Zeitung, 02.02.2016.

46. *Stefan Scholl*. Eine andere Art des Kriegs // General-Anzeiger, 10.02.2016.

47. *Victoria Nuland*. Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs, Statement Before the Senate Committee on Foreign Relations, Ukraine: Countering Russian Intervention and Supporting Democratic State, 113th Cong., 2d sess., May 6, 2014.

48. Viss, ko saucam par informatīvo karu jeb hibrīdkaru — ietekme uz prātiem. IR. 26.11.2015.

49. Ειδική ομάδα για αντιμετώπιση της ρωσικής προπαγάνδας ελετά το NATO (Специальная группа в рамках НАТО для противодействия российской пропаганде) // Kathimerini, 28.01.2016.

50. Ռուսական քարոզչամեքենայի վայնասունն ու ուկրաինական լրատվամիջոցների ապատեղեկատվությունը մտահոգիչ քաղաքական գործընթաց է (Дезинформация русской пропагандистской машины и украинских СМИ) // Ժողովուրդ (Жоховурд), 25.06.2015.

51. Ռուսական քարոզչամեքենան առաջ է մղում ծանր հրետանին (Российская пропаганда продвигает тяжелую артиллерию) // Առավոտ (Аравот), 30.06.2015.

52. რატომ ძლიერდება საქართველოში რუსული პროპაგანდა (Почему в Грузии усиливается российская пропаганда) // Резонанси, 22.09.2015.

53. ي س و ر ل ا م ا ل ع ا ل ا ي ف ه د ض ة ي ا ع ا د ل ا ض ح د ل ي ب و ر و ا ل ا د ا ح ت ا ل ا م و ق ر ف . (Евросоюз готовит команду специалистов для противостояния российской пропаганде) // al-Nayat, 28.09.2015.

54. ة ي ا ع م ة ي ك ر ي م ا م ة ي ا ع د ر ك ن ت س ت و ك س و م . (Москва жестко раскритиковала антироссийскую пропаганду США) // al-Nayat, 04.04.2015.

55. 米国:対ISやロシア宣伝戦 国務省、ソニーに相談 映画子会社 (Госдеп США ведет переговоры с Sony Pictures о мерах борьбы с ИГИЛ и российской пропагандой) // Mainichi Shimbun, 20.04.2015.